
ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

А. С. АКОПЯН

ЭТАПЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И БИОСОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕПРОДУКЦИИ ЧЕЛОВЕКА

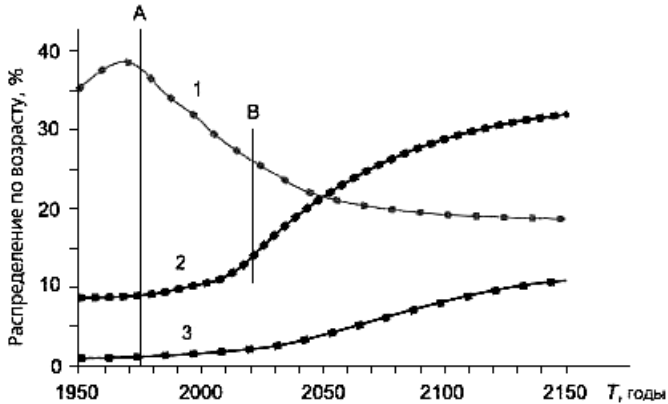
Закономерная динамика численности населения Земли, описываемая теорией демографического перехода, является отражением самого значимого явления в истории человеческой цивилизации. В статье рассмотрены детали теоретической модели с использованием новейшего демографического и сравнительно-антропологического материала. Сформулированы профессиональные рекомендации в сфере демографической политики.

Снижение смертности и увеличение продолжительности жизни изменили лицо цивилизации. За прошедший век значительно возросла численность людей, доживающих до престарелого и старческого возраста, их удельный вес в общей структуре населения. Повысились требования к качеству жизни мужчин и женщин, стариков и детей. В условиях демократизации семьи и общества, индустриализации и урбанизации в технологически развитых странах увеличилась средняя продолжительность жизни женщин по сравнению с мужчинами. Оказалось, что «нормативной» разницей ожидаемой продолжительности жизни женщин и мужчин в условиях политической и экономической защищенности прав являются 4–5 лет, «социальный» фактор может увеличивать эту разницу до 13–17 лет.

По среднему варианту прогноза ООН, в России общая ожидаемая продолжительность жизни возрастет с 66 лет в 2000–2005 годах до 76,9 лет в 2045–2050 годах, в том числе за счет естественно-го замещения наиболее пострадавшего поколения людей, родившихся в первой половине XX века.

Наиболее быстро увеличивающаяся часть населения – это прослойка общества, достигшая возраста «старше старого» (80 лет и более); ее представленность, как ожидается, утротится. К 2050 году

население, достигшее преклонного возраста (65 лет и старше), увеличится до 1 млрд. 445 миллионов – 20,5 % населения планеты (8,1 % – в 1950 году). В течение того же периода число детей в возрасте 15 лет и младше уменьшится с 34,5 % (1950 год) до 20,8 % (2050 год) (рис. 1).

Рис. 1. Старение населения мира при демографической революции 1950–2150 годов: 1 – возрастная группа 15 лет и младше; 2 – 65 лет и старше; 3 – 80 лет и старше (по данным ООН); А – распределение возрастных групп в развивающихся странах; В – в развитых странах в 2000 году

Даже при быстром снижении смертности в ближайшие годы общее число смертей в нашей стране будет не сокращаться, а увеличиваться, так как в структуре населения будет гораздо больше пожилых людей 60 лет и старше, – в этот возраст войдут поколения, родившиеся после войны. Именно на эту возрастную группу приходится 65–70 % текущей смертности. Специфической особенностью современной популяции является более низкая средняя продолжительность жизни мужчин: в Европе, США – на 4–5 лет, в России – на 13–15 лет меньше, чем у женщин. Кроме медико-социальных причин, эта особенность имеет и общебиологические основания.

Демографические переходы

К концу 30-х годов XX века численность населения Земли равнялась 2 млрд. человек. До этой цифры она росла несколько десятков тысяч лет, несмотря на очень высокий уровень рождаемости, в среднем до 7–8 детей на женщину. Последний не сопровождался соответствующей скоростью прироста численности населения из-за высокой смертности, особенно детской, и низкой продолжительно-

сти жизни. К слову сказать, когда доктор богословия Т. Р. Мальтус опубликовал в 1798 году «Опыт о законе народонаселения и его геометрической прогрессии», отмечая, что «население безответственно размножается со скоростью трески», и пугая, что «останутся только стоячие места», численность населения Земли была чуть меньше одного миллиарда и на его удвоение понадобилось более 100 лет. В 1960 году численность землян равнялась трем миллиардам человек, а в октябре 1999 года родился уже шестимиллиардный землянин. Таким образом, за 40 лет произошло удвоение численности населения планеты, а за XX век и первое десятилетие XXI века – почти учетверение.

В последние полвека высказываются обоснованные опасения, что в случае дальнейшего неконтролируемого, «болезненного» роста человечество неизбежно столкнется с ресурсными, энергетическими, экологическими, социально-политическими и этногеографическими ограничениями, которые уже проявляются на современной стадии развития. Если не принимать в расчет фантастические предположения, новый технологический прорыв «общества потребления», который обеспечит миллиарды новых рабочих мест в условиях постиндустриализма, также не ожидается. Более обоснованны опасения, связанные с уменьшением емкости рынка труда и количества рабочих мест, характерного для научно-технического прогресса, – «труд убивает труд». В будущем эта новая реальность потребует, по терминологии К. Поланьи, нового «институционального оформления» в ряду отношений «власть – собственность», формирования «третьего» сектора занятости – за рамками государственного управления и производства товаров и услуг. Уже сегодня в США в промышленности занято 13 % работников, что позволило говорить о «смерти рабочего класса»; к 2025 году ожидается снижение этого показателя до 3 %. В сельском хозяйстве США сегодня занято не более 5 % населения (Шевчук 2007).

Закономерная динамика численности населения Земли, описываемая в рамках теории демографического перехода, является отражением, бесспорно, самого значимого явления в истории человеческой цивилизации (Капица 1997). В современной науке о народонаселении доминирует системный подход, при котором все население мира рассматривается как эволюционирующая и самоорганизующаяся система, существенно не отличающаяся в разнообразии своего поведения и подчиненная единым законам (Там же; Курдюмов и др. 2005). Наиболее существенная и определяюще важная составляющая этого подхода – признание существования особого времени

в состоянии популяции, получившего название *глобального (первого) демографического перехода* – от высокой рождаемости и высокой смертности к низкой рождаемости и низкой смертности (высокой продолжительности жизни). Теория в общем виде разработана Ф. Ноутстайном в 1945 году. Демографический переход характеризуется увеличением *скорости роста численности популяции (продуктивная фаза) за счет периода высокой рождаемости, сочетающейся со снижением смертности и последующим уменьшением рождаемости*. В основе этого процесса лежат однотипные для всех промышленно-городских обществ материальные условия жизни, труда, быта с соответствующей этим условиям системой ценностей (Вишневский 2006). Процесс этот для разных государств и народов растянут по времени, а депопуляция коренного населения компенсируется за счет экономической миграции из регионов с более высоким уровнем рождаемости, в основном по векторам «возвратной колонизации». Речь идет о достаточно жестко детерминированном историческом процессе, который не подлежит прямому управленческому воздействию.

В отличие от регулирования численности популяции через высокую смертность, более характерного для животного мира и доиндустриальной эры, человеческое сообщество в условиях роста требований, предъявляемых научно-техническим прогрессом к каждому последующему поколению, стало регулировать свою численность через снижение рождаемости, что много предпочтительнее, чем войны, эпидемии, убийства, самоубийства и т. д. Других способов регулирования численности мирового населения, к сожалению, нет. Низкая, ниже простого воспроизводства (СКР = менее 2,2 детей на женщину)¹ рождаемость и повышение среднего (медианного) возраста для технологически развитых государств на этой стадии демографического развития являются нормой. Если средний возраст жителя Европы и России сегодня лежит в пределах 37–41 года (Россия – 37,7 лет в 2004 году), то, например, в Центральной Африке он равняется 20–22 годам. Даже изолированно показатель среднего возраста может многое сказать о стадии развития того или иного общества, его технологическом оснащении и культурном статусе, уровне «брачности» и рождаемости, типе экономики и политической организации, степени урбанизации, подушевом доходе и состоянии систем охраны здоровья и здравоохранения.

---

¹ СКР – суммарный коэффициент рождаемости; коэффициент суммарной рождаемости (неточный перевод «total fertility rate») – показатель итоговой рождаемости условного поколения.

нения, медицинской помощи. Наряду с коэффициентами смертности и рождаемости медианный возраст является надежным *индикатором* стадии демографического перехода.

Главное содержание *второго демографического перехода* (Lesthaeghe, van de Каа 1986), в который два десятилетия назад вступили демографически «зрелые» страны – в первую очередь Франция, Северная Европа, часть белого населения США, – состоит «в возрастающей ценности индивидуальной автономии и индивидуального права выбора», в оптимизации демографических событий² и жизненного цикла каждого индивида, что сопровождается некоторым *ростом рождаемости* в направлении уровня простого воспроизводства. «Супружество более не обязательно предполагает совместное проживание, совместное проживание возможно без заключения брака, деторождение должно не всегда происходить в браке, и на место стандартной последовательности событий в индивидуальных биографиях приходит разнообразие индивидуальных жизненных путей» (Иванов 2002: 2). Этот массовый выбор сегодня наиболее наглядно отражается на эволюции брачных отношений, является необратимым в силу изменения большого числа параметров повседневной жизни и соответствует направлению мирового модернизационного процесса. Основой второго демографического перехода является расширение свободы выбора для мужчины и женщины как в семейной, так и в общественной жизни: снижение числа неоправданных запретов, юридическое равенство брачных партнеров, растущее замещение семейной солидарности солидарностью социальной. На уровне демографических индикаторов второй демографический переход проявляет себя в виде роста среднего возраста заключения брака и материнства, увеличения интервалов между родами, повышения роли рождаемости вне официального брака, увеличения доли людей, никогда не вступавших в зарегистрированный брак. Сегодня в Европе и в России среди женщин, состоящих непрерывно в первом зарегистрированном браке, итоговая рождаемость в реальных поколениях ниже, чем среди женщин, которые либо никогда не состояли в зарегистрированных браках, либо состоят в повторных браках (Вишневский 2006). Число таких жизненных сценариев неуклонно растет. Россия вступила на путь второго демографического перехода позже и находится в самом начале этого процесса, двигаясь в направлении «стокгольмской модели» с низким (30–35 %) уровнем регистри-

---

² Под демографическими событиями понимаются: рождение, браки, рождение детей, аборты, разводы и смерть.

рованной брачности. Его манифестация ожидается после 2040–2050 годов.

Социокультурный приоритет материнства в вопросах родительства в целом корреспондирует с особенностями русской семейной культуры. *Матрифокальность* (ответственность женщины за воспитание потомства, ее доминирование в семье), *матрицентричность* (традиционно сильный институт брака) и *патрилокальность* (материальная поддержка со стороны отца в противовес повседневному воспитанию) не противоречат современным тенденциям. При этом для мужчин семья и семейные отношения (не обязательно супружество) приобретают все большую ценность (Митина и др. 2003).

Если *первый* демографический переход выразился в изменении уровней рождаемости и смертности, а *второй* – в изменениях сексуального поведения, организации жизни семьи и ее форм, то *третий демографический переход* затрагивает последний остающийся компонент, характеризующий население, а именно – его состав (Coleman 2006). Низкий уровень рождаемости приводит к изменению политики в отношении миграции. Существенным фактором будет также то, как станут определять себя последующие поколения мигрантов: станут ли они себя идентифицировать с принимающим обществом, страной, куда они приехали. А. П. Назаретян (1996) с синергетических позиций выделяет «три промежуточные переменные» в системе социальной жизнедеятельности, от которых решающим образом зависит допустимая населенность: 1) удельная продуктивность технологий (объем разрушений среды на единицу полезного продукта); 2) качество экономической и политической организации, т. е. степень внутреннего разнообразия общества; 3) качество гуманитарной культуры (ценности, мораль и право).

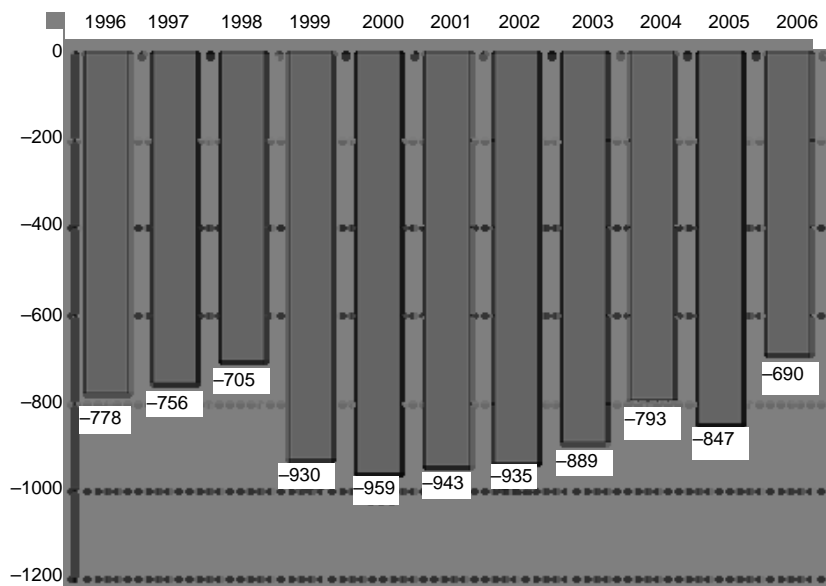
По сравнению с первым и вторым демографическими переходами третий демографический переход больше зависит от воли людей в том смысле, что уровень миграции (по крайней мере, номинально) контролируется правительствами тех или иных стран.

Россия на протяжении своей многовековой истории, как *православно-славянский культурный кластер* (по классификации С. Хантингтона [Huntington 1993]) со своими сателлитами и ассоциатами, уже неоднократно использовала инструменты третьего демографического перехода, создав российскую цивилизацию, нынешнее культурное пространство русского языка.

По среднему варианту официального сверхдолгосрочного прогноза ООН (World... 2003), учитывая, что скорость падения рождае-

мости в развивающихся странах превышает расчетную, к 2050 году население Земли может не достигнуть предполагаемых 10 млрд. человек и не продолжит роста к 2100 году, а начнет плавное снижение и к 2300 году будет составлять 9 млрд. человек. По мнению Д. Медоуза, автора «Пределов роста», при неблагоприятных климатических и экологических изменениях на планете к 2300 году численность населения может вернуться к уровню 1950-х годов – 2,5 млрд. человек. Это почти совпадает с «низким» сверхдолгосрочным прогнозом ООН (2,3 млрд. человек к 2400 году). Каких-то нормативов, естественно, здесь нет и быть не может. Ситуация будет определяться общей совокупностью обстоятельств: ресурсных, технологических, социально-политических, экологических и т. д.

Сегодня, несмотря на бодрые заявления политиков «о целях стабилизации численности населения и формировании предпосылок к последующему демографическому росту», в России продолжается процесс депопуляции с достаточно высокой скоростью, за последние 10 лет практически без положительной тенденции.

Рис. 2. Естественная убыль населения России за последние 10 лет, тыс. чел. Источник: электронная версия бюллетеня «Население и общество» Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (www.demoscope.ru)

Социополовая (гендерная) асимметрия

Вопрос о природе половых отношений, их оценке с позиций психологии и нравственности – один из актуальных вопросов человеческого бытия. В конечном счете именно на решение этого вопроса были направлены все сексуальные революции в Европе и мире в XX веке (Шаповалов 2007).

Интеграция эволюционной биологии Ч. Дарвина и психологии человеческой сексуальности привела к формированию *теории сексуальных стратегий* (Symons 1979; Bass, Schmitt 1993; Mealey 2000), согласно которой представления о сексуальных стратегиях человека следует строить на основе психологических механизмов полового поведения, а не исходить только из реально наблюдаемого поведения, диктуемого целым рядом средовых, социальных и личностных факторов.

По мнению М. А. Бутовской (2005), до этого времени общество просто не было психологически готово к принятию теоретических положений, постулирующих решающую роль женского пола в половых взаимоотношениях. С середины 1980-х годов *гендерные исследования* понимаются не как «женские исследования» с феминистскими пристрастиями, а как исследования всех форм взаимодействия и сосуществования мужчин и женщин в культурах и обществах (Thompson, Pleck 1995; Хайтун 2005). В рамках допустимых социобиологических экстраполяций и аналогий можно отметить, что для видов, представленных мужским и женским полом, включая человека, выделен ряд универсальных *моделей поведения*. Природный порядок у большинства млекопитающих состоит из интенсивной конкуренции между самцами, где доминирующим достаются все преимущества в продолжении рода.

Половые различия в *стратегиях взаимодействия* проявляются по следующим параметрам:

- вмешательство в спаривание, запрет на репродукцию (убийство, изгнание конкурента);
- ограничение репродукции (пасьба, гарем, контрацепция, инфантицид);
- извлечение ресурсов, находящихся в пользовании партнера, более типично для самок (обмен секса на ресурсы питания и другие ценные ресурсы).

Половые различия в *стратегиях спаривания* определяются такими факторами, как доступность партнера, сексуальная возбудимость, преданность партнеру. Мужской и женский пол существенно разнятся по *родительским стратегиям*, что определяется отно-

сительным родительским вкладом в потомство. Последние могут варьировать в зависимости от конкретных условий. Для самок млекопитающих формами родительского вклада являются, например, внутреннее оплодотворение, беременность, вынашивание, рождение, лактация, уход за потомством (Trivers 1972).

Особенности строения половой системы современных мужчин свидетельствуют, что человек эволюционировал как вид, практикующий полигинию (связь одного мужчины с несколькими женщинами) (Бутовская 2005). Эта асимметрия, обеспечивающая автотомельность внутреннего отбора, проявляется в том, что у *большинства приматов, включая и человеческий род, на 20 % главенствующих самцов приходится 80 % копуляций* (Грегуар, Прайор 2000; Wilson 1989). Отметим, что цитированное соотношение полностью совпадает с *принципом 80/20 как мера степенного распределения вероятностей*. В социальных науках он связан с именем В. Парето (эффект Парето). В 1897 году им были опубликованы количественные данные о распределении числа граждан и предприятий стран Европы по величине их доходов. В США в 1980-х годах весь прирост доходов ушел в руки 20 % самых богатых людей. Оказалось, что в условиях конкурентного рынка 20 % населения владеют 80 % материальных ценностей, 20 % продаваемых товаров дают 80 % всей прибыли, 80 % открытий делают 20 % ученых и т. д.

При нормальном же (гауссовском) распределении вероятностей прошлые достижения не становятся фундаментом последующих новаций. Этим объясняется характерная особенность древних традиционных обществ – крайне медленное развитие социума. Массированные попытки выравнивания доходов в XX веке в ряде стран, включая Россию, приводили к отрицательным, иногда катастрофическим результатам, а неравенства лишь переходили из одной сферы в другую. Примечательно, что даже с этой точки зрения социальная история оказывается прямым автотомельным продолжением биологической эволюции (Хайтун 2005; Акопян, Грачев 2006).

Путем смягчения неравенств в ходе социальной эволюции является неизбежное увеличение *общественных благ*, основная характеристика которых – это отсутствие исключительности доступа и конкуренции при их потреблении (Костюк 2007).

Согласно теории *полового дихроморфизма* В. Г. Геодакяна (2004), численность мужской популяции прямо не связана с численностью потомства, различия лежат в разнообразии (численности гамет). Мужской пол является экспериментальным полом – «полом-разведчиком», на котором природа проверяет все эволюци-

онные новации, затем передает их основному (женскому) полу. Мужская смертность у млекопитающих, как и в человеческой популяции, независимо от различия культур, – универсальный ответ на неблагоприятные условия среды, которые выполняют функцию «направленного отбора». Это позволяет временно снять ресурсные ограничения и обновить генофонд без потери обретенного многообразия за счет сохранения женской части популяции.

В человеческом обществе именно женщина выполняет, кроме функции рождения, воспитания и обучения детей, передачи им культурных и моральных ценностей, важнейшую *оценочную* функцию, роль которой настолько привычна, что ее приоритетность попросту забывается и уходит на второй план. Популяционные задачи, стоящие перед видом, потребность защиты себя и своего потомства этот приоритет и определяют. Сексуальная активность мужчины и ее характер напрямую связаны с положением, которое он занимает в обществе (группе). В значительной степени это обусловлено женским выбором, определяющим систему ценностей и статусную групповую и общественную иерархию. У мужчин (самцов), успешных по этим параметрам, отмечаются более высокие сексуальные возможности, определяемые особенностями ответа биохимии мозга, связанного с изменениями уровней половых гормонов (Rose 1975). Власть и статус во всех человеческих обществах дают мужчине колоссальные преимущества в обладании репродуктивными партнерами (Бутовская 2005).

Антипод успеха – депрессия, способная возникнуть в результате череды неудач и проявлений беспомощности. Замечено, что в человеческом сообществе быстрая потеря социального статуса (аналогичная утере положения в иерархии животного мира) часто предшествует депрессивному заболеванию. По данным ВОЗ, в ближайшие 20 лет ожидается рост распространенности депрессии (с 3 % до 20 %), которая становится ведущей медико-социальной проблемой XXI века (Смулевич 2003).

Трансформация традиционной мужской идеологии происходит во всем мире, но она имеет объективные границы, обусловленные рамками полового диморфизма и индивидуально-типологическими различиями. Для России (и не только) характерно доминирование женщины в семье и, соответственно, подчиненное положение мужа.

Суть процесса заключается в том, что исторически традиционные нормы мужского поведения, формирующие стереотипы мужественности в патриархальном обществе, сегодня часто не только не обеспечивают успешность или даже адаптацию взрослого муж-

чины в обществе, но и приводят его на «социальное дно». Совокупность сходных обстоятельств обозначается как «кризис маскулинности». Чтобы добиться жизненного успеха, нужно быть не смелым, а хитрым, не гордым, а сервильным (раболепным, угодливым), не самостоятельным, а конформным (Митина и др. 2003).

Властность, агрессивность, безэмоциональность уже не рассматриваются как ценные характеристики, соответствующие нормам традиционной маскулинности. Предпочтения отдаются ориентации на достижение/повышение статуса.

«Несемейственность» русского мужчины, занятого покорением Севера, Сибири, Дальнего Востока, участника гигантских строек, военных действий, – а также жена, ожидающая мужа (мотив многих выдающихся произведений русской литературы), – ответ на тяжелейшие исторические испытания, выпавшие на долю россиян, постоянную необходимость войн, походов, освоения огромных пространств с суровым климатом и т. п. Однако массовое «возвращение мужчин домой», связанное с фазой стабилизации демографического перехода, показало, что дома, в рамках простого нуклеарного брака, они уже не очень нужны, вызвало ряд противоречий и фрустраций, связанных с изменением ценностей и ролей, обострило проблемы женских привилегий, материального и статусного дефицита (Арнольд 1997).

С медико-демографической точки зрения особенности и условия жизни мужской части популяции нельзя рассматривать изолированно в силу биологически и социально предусмотренного семейного типа организации жизни людей. Реальной альтернативы семье не существует, могут варьировать лишь формы семейной организации. Алкоголь и ассоциированная с ним смертность от сердечно-сосудистых заболеваний и насильственных, неестественных причин в человеческом обществе зачастую завуалированно выполняют роль инструмента снятия внутрисемейной и общественной агрессии и относительно пристойного регулирования численности популяции через повышение смертности.

Социальная изолированность и отсутствие поддержки, проблемы с жильем, высокий уровень стресса, ощущение своей ненужности, бесперспективности являются фоном, провоцирующим саморазрушительное поведение. Материальные трудности, долговые обременения, невозможность обеспечить семью особенно влияют на смертность мужчин (триада «экономическая кастрация – бытовой терроризм – алкоголизация»). Перечень эффективных мер антиалкогольной политики сегодня крайне актуален для России, хо-

рошо проверен на практике и требует ускоренной реализации (Коротаев, Халтурина 2006).

Также отметим, что перемены, которые затронули все звенья процесса формирования семьи, плохо вписываются в тысячелетние традиционные нормы человеческого общежития. Нуклеарная малодетная семья сегодня является универсальным инструментом низкой рождаемости, получившим широкое распространение.

Выбором государственной политики в условиях естественной социальной инерции может быть привычное *кризисное восприятие* с не очень успешными попытками противостояния переменам через восстановление, хотя бы частичное, прежних семейных нравов, акцент на «материнское призвание» женщины, осуждение новых социальных практик, связанных с расширением свободы и индивидуального выбора, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций, призывы к «исторической памяти», «наивысшему акцентированию идеи нации», «воцерковлению» русской культуры, науки и мысли, приданию «духовной вертикали» коллективному самосознанию нации. В условиях нынешнего законодательства и образа жизни это выливается лишь в призывы о запрете на прерывание беременности или необходимость согласия мужа при решении об отказе от рождения, что прямо нарушает фундаментальные человеческие права женщины, принцип неприкосновенности частной жизни, не ставит во главу угла ее здоровье. История многих стран показывает, что это не только не дает желаемого результата, но и сопровождается ростом материнской смертности, инвалидности, числа криминальных абортов, вторичного бесплодия и случаев детоубийства.

Другим путем является стремление к более уравновешенной оценке плодов модернизации, адаптации к ней соответственно возможностям данного этапа развития общества и государства, адекватному ответу на новые серьезные проблемы и опасные вызовы, в том числе приоритету влияния на желательное репродуктивное поведение «девочки, которая хотела счастья».

В российской политической идеологии и практике³ демографическая политика понимается неоправданно широко, фактически включает в себя многие аспекты политики в области здравоохранения и миграции, семейной, жилищной, экологической и налоговой политики, политики в области трудовых отношений, социальной защиты, обеспечения, реабилитации, а также укрепления здоро-

---

³ См.: Концепция демографической политики на период до 2025 года (Указ Президента РФ от 9 октября 2007 года № 1351).

вья, туризма и спорта, оснащения медицинских учреждений, лечения ВИЧ-инфекций и туберкулеза, укрепления репродуктивного здоровья населения, перинатальных технологий, мужских консультаций, а также алкоголизма, табакокурения, наркомании, отдыха и досуга и т. д. и т. п. Создается впечатление, что в концептуальные документы включаются отраслевые интересы всех участников данных обсуждений.

В более узком, функциональном смысле демографическая политика представляет собой попытки воздействия государства непосредственно на *уровень рождаемости*. Как правило, эти попытки не очень продуктивны, носят краткосрочный эффект и сопровождаются сопутствующими «рикошетными проблемами» в виде дестабилизации социальной сферы из-за «рваной» динамики процесса воспроизводства.

В зависимости от стадии демографического перехода существуют *два основных типа* собственно демографической политики: первый направлен на *повышение рождаемости* и характерен для экономически развитых стран; второй направлен на *снижение рождаемости* и типичен для стран развивающихся, он реализуется через программы «планирования семьи». В России, да и в СССР ни того, ни другого типа такой политики, если не брать в расчет бурные, часто некачественные обсуждения, носящие более мировоззренческий, нежели прикладной характер, практически не проводилось. Сегодня, например, при реализации мероприятий демографической политики, направленных на рост рождаемости, во главу угла поставлена «государственная поддержка семей, имеющих детей». По ныне действующему российскому законодательству центральным объектом ее патронирования *не является женщина репродуктивного возраста, имеющая одного и более ребенка* и по каким-то причинам не состоящая в зарегистрированном браке. По сути, основная репродуктивная группа рассматривается лишь через меры «дополнительной поддержки неполных семей с детьми и многодетных семей с низкими доходами». В *Концепции* четко не определены *основной субъект и объект* демографической политики – молодая женщина репродуктивного возраста, у которой рождение каждого последующего ребенка не должно, в том числе за счет мер этой политики, сопровождаться ухудшением условий жизни и уровня обеспеченности семьи (если, конечно, речь идет о надеждах на рост рождаемости, а не на что-то еще). Надежды на рост рождаемости могут быть реализованы лишь при увеличении абсолютного числа женщин репродуктивного возраста, готовых ко вторым и последующим порядкам рождений. Таким образом, пре-

словутая «поддержка семьи», «семейная политика» в силу размытости как целевой группы, так и самого понятия увеличивает административный барьер доступа работающих женщин к пособиям и льготам, ипотечным кредитам на жилье, получению гражданства ребенку и т. д. Например, совместно проживающие бабушка, дочка и внучка при заявленном и реализуемом подходе *семей-адресатом* этой политики не являются.

Представляется, что оправданными мерами прямого экономического стимулирования вторых и последующих рождений, способных повысить итоговую рождаемость в реальных поколениях, являются прямые инвестиции в положение женщин репродуктивного возраста. «Размывание» демографических приоритетов и задач, целей и ресурсов по всем аспектам социальной политики лишь «размазывает» ответственность исполнителей, затрудняет контроль исполнения и объективное прогнозирование результатов, повышая соблазн переадресовывать все неудачи «плохой демографии».

Литература

Акопян, А. С. 2001. Демография и политика. *Общественные науки и современность* 2: 38–50.

Акопян, А. С., Грачев, М. В. 2006. Человеческая популяция: универсальный эволюционизм и альтернативные модели репродукции. *Философские науки* 11: 143–151.

Арнольд, О. Р. 1997. *Сильная женщина и мужчины: Почему наши мужчины боятся наших женщин?* М.: Вече; АСТ.

Бутовская, М. А. 2005. *Власть, пол и репродуктивный успех.* Фрязино: Век-2.

Вишневский, А. Г. (ред.) 2006. *Демографическая модернизация России, 1900–2000.* М.: Новое изд-во.

Геодакян, В. А. 2004. Эволюционная теория пола. В: Гордон, А. Г., *Диалоги-2* (с. 221–276). М.: Предлог.

Грегуар, А., Прайор, Д. 2000. *Импотенция: интегрированный подход к клинической практике.* М.: Медицина.

Иванов, С. 2002. Новое лицо брака в развитых странах. *Население и общество* 67: 1–4.

Капица, С. П. 1997. *Теория роста населения Земли.* М.: МФТИ.

Корогаев, А. В., Халтурина, Д. А. 2006. Российский демографический крест в сравнительном аспекте. *Общественные науки и современность* 3: 105–118.

Костюк, В. Н. 2007. Социальная эволюция на больших временных интервалах. *Общественные науки и современность* 1: 157–166.

Курдюмов, С. П., Малинецкий, Г. Г., Подлазов, А. В. 2005. Историческая динамика. Взгляд с позиций синергетики. *Общественные науки и современность* 5: 118–132.

Митина, О. В., Касперт, А., Низовских, Н. А. 2003. Идеология маскулинности в России: постановка проблемы и экспериментальное исследование. *Общественные науки и современность* 2: 164–176.

Назаретян, А. П. 1996. Демографическая утопия «устойчивого развития». *Общественные науки и современность* 2: 145–152.

Смулевич, А. Б. 2003. *Депрессии при соматических и психических заболеваниях*. М.: Медицинское информ. агентство.

Хайгун, С. Д. 2005. Социум на фоне универсальной эволюции. *Общественные науки и современность* 4: 124–137.

Шаповалов, В. Ф. 2007. Особенности российской сексуальной культуры. Семья и брак в России. *Общественные науки и современность* 2: 163–172.

Шевчук, А. В. 2007. О будущем труда и будущем без труда. *Общественные науки и современность* 3: 44–54.

Bass, D., Schmitt, D. 1993. Sexual strategies theory: An evolutionary perspective on human mating. *Psychological Review* 100: 204–232.

Coleman, D. 2006. Immigration and Ethnic Change in Low-fertility Countries: a Third Demographic Transition. *Population and Development Review* 32(3): 401–446.

Huntington, S. 1993. The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs, Summer* (pp. 22–49).

Lesthaeghe, R., van de Kaa, D. 1986. Twee Demografische Transitities? (Two Demographic Transitions?) In Lesthaeghe, R., van de Kaa, D. (eds.), *Bevolking – Groei en Krimp, Mens en Maatschappij, Deventer: Van Loghum Slaterus* 9–24.

Mealey, L. 2000. *Sex Differences: Developmental and Evolutionary Strategies*. N. Y.: Academic Press.

Rose, R. M. 1975. Consequences of social conflict on plasma testosterone levels in rhesus monkeys. *Psychosomatic Medicine* 37: 50–61.

Symons, D. 1979. *The Evolution of Human Sexuality*. N. Y.: Oxford Univ. Press.

Thompson, E., Pleck, J. 1995. Masculinity Ideology: A Review of Research Instrumentation on Men and Masculinity. In Levant, R. F., Pollack, W. S. (eds.), *Psychology of Men* (pp. 130–163). N. Y.: Basic Books.

Trivers, R. 1972. Parental Investment and Sexual Selection. In *Sexual Selection and Descent of Man 1871–1971* (pp. 136–179). Chicago: Aldine.

Wilson, G. D. 1989. *The Great Sex Divide: A Study of Male-Female Difference*. London: Peter Owen Publishers.

World Population in 2300. Draft Population Division of the Department of the UN Economic and Social Affairs (DESA). 9 December 2003. Available at: www.demoscope.ru